

Потребительский потенциал домохозяйства как фактор развития экономики

ГРОССИНСКАЯ

Домохозяйство (ДХ) – это экономическая система, функционирующая на микроуровне и создающая необходимые условия для реализации социально-экономических функций семьи. Данная экономическая система сама по себе играет важную роль в рыночной экономике: с одной стороны, она предоставляет ресурсы (в первую очередь – труд) для общественного производства, а с другой стороны – выступает субъектом платежеспособного спроса, под воздействием которого формируется структура общественного производства. Как первая, так и вторая «роли» семьи тесно связаны с потреблением, основным экономическим субъектом которого на микроуровне традиционно считается ДХ (в противовес функции производства, которая традиционно «закреплена» за фирмой). Действительно, «носителем» способности к труду является человек, а воспроизводится эта способность, как и человеческий потенциал семьи в целом, в рамках домохозяйств в процессе реализации, в первую очередь, его потребительской функции [4; 5]. Спрос, в свою очередь, – одна из основных форм реализации потребительского поведения.

Таким образом, с точки зрения воспроизводственного процесса домохозяйство, с одной стороны, формирует главный ресурс общества – человеческий потенциал. С другой стороны, на уровне ДХ формируются конечные общественные потребности, выступающие материальной основой потребительского спроса.

При детальном рассмотрении функций семьи и домохозяйства становится очевидным, что все они, будучи подфункциями функции воспроизводства человеческого потенциала, реализуются, прежде всего, через потребительское поведение ДХ, через его потребительскую функцию, которая выполняет «посредническую», вспомогательную роль по отношению к другим функциям семьи, связанным с воспроизводством

Россинская Галина Михайловна, д-р экон. наук, главный редактор научно-практического журнала «Экономика и управление». E-mail: g-ross@mail.ru

человеческого потенциала (рождение и воспитание детей и их социализация, рекреационная функция, адаптационная функция и др.).

Так, функция семьи по рождению и воспитанию детей, их социализации реализуется через организацию семейного потребления, в частности, медицинских услуг и услуг сферы образования и культуры, книжной продукции, продукции СМИ и т.д. Рекреационная функция семьи неотделима от потребления ДХ услуг сфер отдыха и туризма, здравоохранения и т.д. Таким образом, в процессе реализации потребительской функции семьи происходит удовлетворение разнообразных потребностей, обеспечивается получение соответствующего образования, сохранение и укрепление здоровья и т.д.

Потребление ДХ происходит в процессе реализации его сложившегося в определенный момент *потребительского потенциала*. Потребительский потенциал в его ресурсной части определяется макроэкономическими условиями воспроизводства человеческого потенциала (уровень доходов населения, общая сбалансированность потребительского рынка, уровень инфляции, государственная политика в области цен, доходов и поддержки социально уязвимых слоев населения и т.д.); условиями воспроизводства человеческого потенциала на мезоуровне (уровень и соотношение потребительских цен на различные товары и услуги, сбалансированность регионального потребительского рынка); микроэкономическими условиями (социально-демографическая структура и стадия жизненного цикла семьи; «стартовый» социально-экономический уровень жизни людей, создающих семью; имеющееся имущество; совокупный доход семьи, определяемый ее социально-экономическим положением, суммой доходов от собственности, от предпринимательской деятельности, суммой оплаты труда и трансфертов, а также натуральными доходами, доходами от продажи произведенных домохозяйством товаров, услуг, доходами от сберегательно-инвестиционной деятельности, объемом товаров и услуг, поступающих на основе нерыночного обмена). Помимо «ресурсной» составляющей, потребительский потенциал домохозяйства определяется потребностями семьи, обусловленными ее структурой, и ресурсными возможностями, а также социально-культурными особенностями ее жизнедеятельности, потребительскими нормами и установками.

Результаты трансформационных процессов в части формирования потребительского потенциала домохозяйств до последнего времени «в среднем и целом» были вполне позитивными: среднедушевые доходы росли, произошли определенные сдвиги в структуре потребления населения, насыщение потребительского рынка товарами и услугами, у «среднего» домохозяйства появилась возможность маневрировать своим потребительским потенциалом.

Результатом этих тенденций стала благоприятная динамика индексов потребительских настроений, которые строятся на основе оценок потребителями результатов изменения своей потребительской ситуации за определенный период, а также перспектив этого изменения на определенную перспективу.

Заметим, что индексы потребительских настроений (ИПН) характеризуют не *состояние ситуации*, а *динамику* этого состояния. Индекс текущего состояния строится на основании ответов на вопрос «Как изменилось Ваше материальное положение за последнее время?», индекс экономических ожиданий – на основе ответов на вопрос «Каких изменений в своем материальном положении Вы ожидаете?». При этом учитывается лишь разница между долями «полярных» ответов: долей благоприятно и неблагоприятно оценивающих динамику своего материального положения и его перспективы, хотя сами эти доли как таковые могут быть сколь угодно малы.

При расчете ИПН «за бортом» остаются оценки значительной части населения, живущего в сложных материальных условиях и при этом считающего, что его материальное положение в последнее время не изменилось и не изменится. Но ведь оценки именно этой, преобладающей части населения формируют реальную картину

благополучия населения в тот или иной момент! Методика расчета индекса потребительских настроений не позволяет «улавливать» масштабы консервации безнадежности потребительских настроений, фиксируя лишь соотношение крайних позиций «улучшилось–ухудшилось», «улучшится–ухудшится». Этот индикатор, по видимому, способен служить инструментом адекватной оценки динамики потребительских настроений в условиях стабильной, сбалансированной экономики. Но в условиях, когда значительная часть населения живет на «краю бедности», данный показатель в силу особенностей методики расчета просто не фиксирует значительной доли оценок тех респондентов, кто отмечает, что ситуация «не изменилась» и «не изменится», но при этом не имеет возможности удовлетворять даже ограниченный круг первоочередных потребностей.

Преодолеть эту ограниченность возможностей ИПН позволяет введенный нами [4] индекс материального благополучия (ИМБ), отражающий оценку материального положения домохозяйства на определенный момент.

Таблица 1

Распределение мнений домохозяйств относительно своего материального положения, %*

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Все домохозяйства	100	100	100	100	100	100	100
Не хватает денег даже на еду	2,4	1,5	1,2	1,5	1,0	1,1	1,2
Затруднительно покупать одежду и оплачивать ЖКУ	28,0	16,9	22,3	16,6	20,6	16,4	14,1
Не могут позволить покупку товаров длительного пользования	48,2	47,4	49,1	49,2	49,7	47,8	47,2
Не хватает денег на покупку автомобиля, квартиры	20,4	31,7	24,0	30,5	23,8	30,1	33,7
Средств достаточно, чтобы купить все, что считают нужным	0,7	1,7	2,2	1,2	2,8	1,6	1,0
Затруднились ответить	0,3	0,8	1,1	1,0	2,1	3,0	2,7

* Данные Башкортостанстата.

Преобразуем таблицу 1. Будем считать первые два варианта ответов «плохой» оценкой собственного материального положения, третий вариант – «удовлетворительной», четвертый и пятый – «хорошими». Тогда распределение ответов респондентами на вопрос об их материальном положении будет выглядеть так, как показано в таблице 2.

Таблица 2

Результаты перерасчета самооценки материального положения домохозяйств, %

Период	Оценка «плохо»	Оценка «удовлетворительно»	Оценка «хорошо»	Затруднились ответить	Итого	ИМБ
2007 г.	30,4	48,2	21,1	0,3	100	90,7
2008 г.	18,4	47,4	33,4	0,8	100	115,0
2009 г.	23,5	49,1	26,2	1,1	100	102,8
2010 г.	18,1	49,2	31,7	1,0	100	113,6
2011 г.	21,6	49,7	26,6	2,1	100	105,0
2012 г.	17,5	47,8	31,7	3,0	100	114,2
2013 г.	15,3	47,2	34,7	2,7	100	119,4

На основании этих данных можно вычислить характеризующий потребительский потенциал домохозяйств индекс материального благополучия, который можно рассчитать (пользуясь методическим приемом, используемым при расчете индекса

потребительских настроений) как разницу между долями «хороших» и «плохих» оценок плюс 100 (чтобы избежать отрицательных значений индекса).

При этом следует иметь в виду, что в 1987 г. (дореформенный период) ИМБ, по нашим расчетам, был равен 93,5, в 1994 г. – 31,2, в 1996–1997 гг. – 25,1, в 2004 г. – 73,4, в 2005 г. – 87,1, в 2006 г. – 93,2 (еще не достиг значения дореформенного периода) [4].

Таким образом, в целом ситуация благоприятна, наблюдается рост индекса материального благополучия. Тенденции, характеризующие динамику потребительского потенциала «населения в целом» (или «в среднем»), вполне позитивны. Доходы (в том числе реальные) неуклонно растут, растет и объем товарооборота. Однако за общим результатом трансформации экономики скрывается неоднородный процесс: для одной части общества результатом реформ стало получение возможности значительно повысить уровень материального благополучия и улучшить структуру своего потребления, другую (значительно большую) реформы поставили на грань физического выживания.

Именно эта картина расслоения населения, приобретающая окончательные очертания в сфере потребительского поведения, скрыта за усредненно-благополучными показателями социальной статистики.

Деградация потребительского потенциала значительной части семейных домохозяйств и связанное с этим «угнетение» их потребительской функции, а через нее – и других функций нарушают воспроизводство человеческого потенциала семьи и общества в целом и оказывают существенное негативное влияние на общеэкономическую ситуацию.

Изменение среднего уровня доходов повлекло за собой изменение структуры спроса и потребления в целом. Непосредственное влияние на потребление оказывает принадлежность к определенным социально-доходным группам, которая «задает рамки» потребления для тех или иных групп потребителей, а также социально-демографические характеристики семьи – демографическая нагрузка, особенно количество детей, и т.д.

Потребление домохозяйства определяется, прежде всего, душевым доходом, который, в свою очередь, детерминирует объем и структуру потребления. Объем и структура потребительских расходов во многом определяются порядком (строением) потребностей, то есть последовательностью удовлетворения конкретных нужд, обусловленной их важностью и очередностью. Важность определенной потребности зависит как от степени насущности потребности, так и от степени ее удовлетворения. Последнее связано с возможностями удовлетворения потребности, с условиями и уровнем жизни семьи.

Изменение условий и стандарта жизни приводит к возникновению новых потребностей и (или) к изменению их «рейтинга», порядка их удовлетворения. При этом очевидно, что в условиях низких реальных доходов на первый план вынужденно выходит потребность в обеспечении самыми необходимыми продуктами питания, поглощающая основную часть доходов. Расходы на непродовольственные товары и услуги носят остаточный характер, за исключением обязательных услуг, которые также находятся на одном уровне настоятельности с необходимыми продуктами питания.

Динамика структуры потребительских расходов домохозяйств, относящихся к разным доходным группам, отличается определенной спецификой. В то время как структура потребления средне- и высокодоходных групп в течение последнего десятилетия изменялась в сторону снижения доли расходов на питание и увеличения доли непродовольственных товаров, в структуре расходов группы малообеспеченных ДХ эти изменения были не столь значительны: низкий уровень дохода не оставляет «свободы для маневра» потребителем потенциалом. Реальная свобода потребительского выбора у низкодоходных домохозяйств практически отсутствует.

В соответствии с дифференциацией по потребительскому потенциалу происходит дифференциация потребительского поведения домохозяйств, реализующаяся через их потребительскую функцию и выражающаяся в том, что наиболее обеспеченные ДХ достигают самых высоких мировых стандартов потребления, в то время как бедные

опускаются до уровня простого физиологического потребления, позволяющего выжить. Дрейфующая в сторону бедных часть работников бюджетной сферы также вынужденно переходит к удовлетворению простейших потребностей. Указанная поляризация потребительского поведения выступает лишь проявлением, внешней формой выражения социально-экономической дифференциации в российском обществе, сложившейся в период его трансформации и продолжающей нарастать. Как отмечают исследователи, три нижние квинтильные группы (60 % населения) имели более низкие (по сравнению со средними) темпы роста доходов в 1991–2011 гг., по реальным доходам третий квинтиль только в 2007 г. достиг уровня 1991 г. Первый и второй квинтили до сих пор ниже уровня 1991 года. Лишь пятый квинтиль значительно (более чем в 2 раза) нарастил доходы. Таким образом, положительные изменения в уровне реальных доходов происходят лишь у высокодоходных групп [3, 18]. Дифференциация в сфере потребления, таким образом, выступает внешней формой проявления социальной дифференциации, формирующейся на более ранних стадиях воспроизводства.

Негативное воздействие продолжающегося расслоения населения сказывается на макроэкономической ситуации в стране. Так, низкий уровень доходов и потребления основной массы населения России обуславливает ограничение конечного рыночного спроса на товары и услуги, что, в свою очередь, ограничивает перспективы развития отечественного производства, поскольку динамика промышленного производства следует за динамикой спроса. Данный фактор, связанный с низким уровнем зарплат, в свою очередь не позволяет в полной мере использовать возможности такого ресурса общественного производства, как человеческий потенциал, сдерживая инновационное развитие экономики.

Вследствие недопотребления страдает качество самого человеческого потенциала. Его разрушение на уровне домохозяйства вследствие невозможности полноценного воспроизводства, выражающееся в потере его качественных параметров – здоровья, уровня образованности и т.п., в высоком уровне смертности, низкой рождаемости, ослаблении здоровья молодых поколений, – на уровне экономики в целом проявляется в падении качества трудового потенциала, человеческого капитала как функции человеческого потенциала. Это представляет серьезную угрозу для будущего страны, поскольку приводит к сокращению возможности экономического роста, препятствует инновационному развитию экономики. Человеческий потенциал невосполнимо деградирует как с точки зрения его демографических и физиологических характеристик, так и с позиций его социального качества.

В результате происходит деградация потребительской функции, а через нее – и других функций домохозяйства, связанных с ней, следствием чего является нарушение воспроизводства человеческого потенциала на микроуровне, что ведет к истощению и деградации человеческого потенциала общества в целом: ухудшаются демографические характеристики, здоровье населения, падает уровень образования и т.д. Как отмечает, например, А.Г.Аганбегян, международные рейтинги, в которых сравниваются экономические и социальные показатели различных стран, свидетельствуют о большом отставании России. Индекс социального развития России, который ООН считает главным комплексным показателем развития социальной сферы, существенно отстает от уровня экономического развития – 65 место из 146 стран в сравнении с 43-м. Главная причина – крайне низкий показатель ожидаемой продолжительности жизни в России по сравнению с другими странами (здесь Россия отстает и от большинства развивающихся стран, которые по уровню экономического развития в 1,5–2 раза ниже России) – 105 место, что, в свою очередь, связано с повышенной смертностью. В России 30 % населения умирает в трудоспособном возрасте (в Европе – 10 %). Кроме того, неблагоприятная картина складывается в сфере образования: по уровню образования страна занимает 40-е место, тогда как раньше входила в десятку передовых в этом отношении стран. В СССР в середине прошлого века на образование тратили 10 % национального дохода, в США – 4 %.

Сейчас у нас данная сфера получает менее 5 % ВВП, во многих развитых странах – 8–9 %, в США – 11 % [1, 8].

По мнению А.Г.Аганбегяна, хуже всего обстоит дело в области охраны здоровья. Удалось повысить рождаемость и снизить младенческую смертность, хотя последняя еще вдвое выше, чем в Западной Европе. В последние пять лет в России немного снижается общая смертность и растет ожидаемая продолжительность жизни, но эти показатели пока не достигли показателей не только 80-х, но и 60-х годов прошлого века [1, 16].

При этом все социальное неблагополучие неравномерно распределено и дифференцировано в разрезе социально-доходных групп. Как отмечается в литературе, по сравнению с европейскими странами население России испытывает более сильное неравенство в обеспечении продолжительной здоровой жизни и получения образования [2, 198].

В результате поляризации потребительского поведения российских домохозяйств формируется своеобразный «порочный круг расслоения», механизм, с одной стороны способствующий суженному воспроизводству человеческого потенциала страны как в количественном, так и в качественном отношении, а с другой стороны – угнетающий отечественное производство и сужающий возможности трудовой занятости. Для того, чтобы разорвать этот круг, необходимо, прежде всего, изменение (на уровне парадигмы) представлений в обществе и на уровне государственных институтов о соотношении понятий «человек – цель» и «человек – средство» и о роли государства в формировании человеческого потенциала семьи и общества в целом, а значит – потребительского потенциала домохозяйства, в процессе реализации которого и формируется человеческий потенциал семьи.

Необходимо обеспечение со стороны государства минимальных социальных гарантий, активизация роли государства в формировании за счет трансфертов более сбалансированной структуры конечного потребления домохозяйств, особенно многодетных семей, прежде всего – за счет увеличения доли услуг здравоохранения, образования, культуры. Основным объектом социального регулирования должна выступать семья и ее материальная основа – потребительский потенциал домохозяйства.

Для формирования полноценной информационной базы, необходимой для проведения взвешенной социальной политики, целесообразна организация регулярного мониторинга социальных процессов и оценки тенденций изменения потребительского потенциала семей. Для подобного мониторинга представляется возможным, наряду с принятой в странах с рыночной экономикой и устойчивой социально-экономической ситуацией методикой расчета индексов потребительских настроений, использовать предлагаемую нами методику расчета индекса материального благополучия, что позволит более объективно судить об уровне и динамике потребительского потенциала российских домохозяйств.

Литература

1. Аганбегян А. О сбалансированности уровня экономического развития и социальной сферы в России // SPERO. – 2011 – № 14. – С.7–20.
2. Горина Е. Индекс человеческого развития в России и других странах мира // SPERO. – 2012. – № 16. – С.193–198.
3. Овчарова Л., Пишняк А., Попова Д., Шепелева Е. Изменения в доходах и потреблении российских домашних хозяйств: от бедности к среднему классу // SPERO. – 2013. – № 18. – С.7–36.
4. Россинская Г. Экономическое поведение домохозяйств: теория и методология исследования: монография. – Уфа: БАГСУ, 2013. – 200 с.
5. Россинская Г. Воспроизводство человеческого потенциала общества: экономические функции семьи // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2008. – № 2. – С.77–84.